

Женские демонологические персонажи в архангельских говорах: мифологическая хозяйка бани

Дарья А. Анненкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, dasha.dobk@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет собой часть большого исследования, посвященного изучению мифологических персонажей Русского Севера в гендерном аспекте, что предполагает системный анализ функций, внешности и характеристик этих персонажей. В настоящей работе проведено исследование номинации женского мифологического персонажа бани. Эта номинация может зависеть от локуса (используются дериваты от лексемы *баня* и др.), от действий, функций (возникают дериваты от глаголов *задирать*, *обдирать*, *бучить*), от внешнего облика.

Кроме того, употребляются лексемы, выполняющие комплиментарную функцию (*матушка*, *бабушка*), имена собственные, в том числе связанные с народными представлениями о женщине-повитухе, помогавшей появиться на свет Христу. Женский мифологический персонаж бани предстает в антропоморфном или зооморфном облике, но порой не имеет четкого описания. Этот персонаж может составлять пару с мужским персонажем или представлять самостоятельно. «Хозяйка» бани может помогать человеку или вредить ему, если человек нарушает установленные запреты. Считается, что «семья» мифологических хозяев бани, как и «семья» домовых, может являться зеркальным отражением человеческой семьи.

Исследование проведено на материале архангельских говоров (на базе «Архангельского областного словаря» и его обширной картотеки) и может дать возможность исследователям, ставящим своей задачей проведение сравнительного анализа мифонимов, использовать материал архангельских говоров наряду с другими материалами, собранными на Русском Севере и в других регионах.

Ключевые слова: мифология Русского Севера, мифологические персонажи, демонологические персонажи, мифологическая хозяйка бани

Для цитирования: Анненкова Д.А. Женские демонологические персонажи в архангельских говорах: мифологическая хозяйка бани // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 93–109. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-93-109

Female demonological characters in the Arkhangelsk dialects. Mythological bath mistress

Daria A. Annenkova

Moscow State University, Russia, Moscow, dasha.dobk@yandex.ru

Abstract. The article is part of a larger study dedicated to the examination of mythological characters of the Russian North from a gender perspective, which involves a systematic analysis of the functions, appearances, and characteristics of these characters. In this work, research has been conducted on the nomination of the female mythological character of the bathhouse. This nomination can depend on the locus (derivatives from the lexeme “banya” and others are used), on actions, functions (derivatives arise from the verbs “zadirat’,” “obdirat’,” “buchit’”), and on external appearance.

Additionally, certain lexical items are used to perform a complementary function (e.g., “matushka,” “babushka”), proper names, including those associated with folk beliefs about a woman who assisted in the birth of Christ. The female mythological character of the bathhouse appears in anthropomorphic or zoomorphic forms, sometimes lacking a clear description. This character can be paired with a male character or stand alone. It can either help or harm a person if they violate established prohibitions. It is believed that the “family” of mythological bathhouse owners, like the “family” of mythological house spirits, can serve as a mirror reflection of the human family.

The research was conducted based on the materials from the Arkhangelsk dialects (using the “Arkhangelsk Regional Dictionary” and its extensive card index) and may provide an opportunity for researchers aiming to conduct a comparative analysis of mythonyms to utilize materials from the Arkhangelsk dialects alongside other materials collected in the Russian North and other regions.

Keywords: mythology of the Russian North, mythological characters, demonological characters, mythological mistress of the bathhouse

For citation: Annenkova, D.A. (2023), “Female demonological characters in the Arkhangelsk dialects. Mythological bath mistress”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 4, pp. 93–109, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-93-109

Проблематика исследования

Среди большого количества работ по демонологии именно женские мифологические персонажи (МП) Русского Севера как предмет самостоятельного изучения не рассматривались, тогда как в «Архангельском областном словаре» (АОС) и его карто-теке выявлено более 100 лексем, использующихся для их обозначения.

Занимаясь исследованием МП Русского Севера в гендерном аспекте, мы разделяем их по месту появления: это дом, баня, лес, вода и поле. В настоящей статье проведено исследование номинации женского мифологического персонажа бани в гендерном аспекте, что предполагает системный анализ функций, внешности и характеристик демонологических персонажей при опоре на труды российских ученых-славистов. Это необходимо для установления мотивации номинации женских МП. Статья написана с опорой на методику, которая часто предлагается в этнолингвистических исследованиях, где сочетаются собственно лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты.

В качестве задач исследования ставилось выявление инвентаря терминов, использующихся для обозначения женских МП; установление параллелей феминитивов с маскулитивами; рассмотрение связи женского МП с локусом; изучение характерных для персонажей моделей поведения; исследование переносных значений лексем и определение направлений переносов; выяснение мотивации номинаций женского МП бани.

Пространство бани в народном мировоззрении

Баня занимала важное место в жизни людей и наделялась особыми характеристиками: в ней не только мылись, но и лечились от болезней, рожали, гадали [Криничная 2004, с. 31]. Баня всегда осознавалась как «чужое» пространство, ритуально «нечистое» место, она мыслилась как прибежище нечистой силы и имела своих «хозяев». Е.Е. Левкиевская отмечала, что «хозяина» бани на Русском Севере могут называть *банником* (*баенником*) или *обдери-хой*, *банницей* [Левкиевская 2000, с. 308].

В фольклорных и нефольклорных записях встречаются многочисленные номинации мифологического хозяина бани: *банник*, *байник*, *баенник*, *байнушко* и др. Это «дух – обитатель бани. Живет за каменной или под полком. Считается, что Б. моется в бане и ему следует оставлять воду, мыло и веник, иначе

он брызжет кипятком, кидает раскаленные камни, напускает угару»¹.

Женская ипостась образа упоминается реже: «Банная бабушка, по-видимому, сверхъестественный “двойник” бабушки-повитухи; одновременно это и дух, “хозяйка” “бани-целительницы и бани-восприемницы”»². Она страшна тем, что «задирает», т. е. убивает, душит человека в бане. С этими действиями связана и номинация МП: *задериха, обдериха*. Как и *обдериха, банник*, согласно работам О.А. Черепановой, враждебен людям, строит им всяческие козни: «может затолкать в бочку из-под воды, в каменку, не давать выйти из бани, мучить и даже задрать до смерти»³.

Инвентарь терминов

В материалах АОС и его картотеки для обозначения женских МП, связанных с баней, используется около 20 лексем и 4 словосочетания. Лексемы могут быть специальными терминами: *ба́йница, ба́нница, буча́риха, буче́риха, деду́шха, обде́риха, обде́ришка, заде́риха, па́ры-па́рница, сде́риха (зде́риха)*. Часть лексем, используемых для номинации банного духа в его женской ипостаси, представляет собой обобщенное название нечистой силы: *демо́нѹха, жихо́рица*. Некоторые лексемы чаще употребляются для номинации женского духа, обитающего в других локусах: в лесу (*боро́вѹха, леша́чи́ха*), в воде (*де́духа*). Специфическими названиями для банного духа стали имена мифологической повитухи Христа: *Соломи́да, Соломоні́душка, Соломонáюшка*. Для номинации женского демонологического персонажа бани используется также лексема *бука* – обычно это персонаж, которым запугивали детей.

В функции вокатива часто употребляются термины родства, как одиночно, так и в словосочетаниях (*ба́бушка, ба́бушка-ба́йница, ба́бушка-овба́бушка, ма́тушка, ма́тушка-салама́ндрѹшка*), и термины, указывающие на социальное положение (*хозя́йка, хозя́юшка, хозя́йнушка*), а также имя собственное (*Ма́рья Соломи́душка, Ма́рья обде́риха*). Чаще всего для обозначения мифологической хозяйки бани используются номинации *обде́риха* и *заде́риха*.

¹ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. С. 29.

² Власова М.Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 23.

³ Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 96.

Гендерный аспект

Мифологические хозяева бани могут составлять пару, сближаясь с домовыми, которые, по народным представлениям, зеркально отражают, «копируют» человеческую семью: «Как и домовые, хозяева бани могут быть семейной парой» [Качинская 2018, с. 38]. Банник чаще всего предстаёт в паре с банницей: *Ба́нник да ба́нница – говоря́т, нельзя́ в ба́не в у́гол садиться́* (ВИН. Борок⁴). Появляется также пара *бу́чер – бучери́ха: В ба́не бучери́ха была́, бу́чер* (ПИН. Сура). В некоторых примерах зафиксирована пара *дедушка–бабушка*, чаще употребляющаяся по отношению к мифологическим хозяевам дома: *А в ба́ню проси́ться на́до: Де́душка, ба́бушка! Пусти́те ба́енку истопи́ть, себя́, де́тушек помы́ть. Ами́нь, ами́нь* (ПИН. Кеврола). Пара *дедушка–бабушка* часто сопровождается приложениями *байничек, байница, оведушко, овбабушка: Де́душко байни́чек да ба́бушка байница́*, как *домовы́* (ПИН. Вальтево).

Банных духов называют *хозяином и хозяйкой, хозяйошкой: Ско́лько у меня́ семе́й, сто́лько и у неё, в ка́ждой ба́не есть своя́ семе́я: хозя́ин и хозя́йка да де́ти* (ПРИМ. Першлахта). *Хозя́ин с хозя́юшкой, намо́йтесь пе́рвы вы́* (КАРГ. Кречетово). Эти лексемы также могут сопровождаться приложениями: *В ба́йне веть: Спаси́ Го́споди поми́луй, хозя́йнушко ба́тюшко, хозя́йнушка ма́тушка, спаси́бо на ба́ёнке...* (КАРГ. Кречетово).

Наличие многочисленных номинаций, отражающих комплиментарную функцию, объясняется отношением к мифологическому персонажу бани как к вредоносному и опасному духу. Д.К. Зеленин, М.Н. Власова, О.А. Черепанова и другие исследователи отмечали, что и *банник*, и *банница* враждебны людям, они могут пугать, щекотать, душить, «не давать выйти из бани, мучить и даже задрать до смерти»⁵. Поэтому номинации *бабушка, дедушка* и др. распространялись на мифологических хозяев бани в том числе в функции вокатива и использовались как часть этикетной формулы: *Де́душко оведушко, ба́бушка-овба́бушка, пусти́те ба́енку истопи́ть, погреться-попа́риться, помы́ться-пожа́риться* (ПИН. Кеврола). Это подтверждается исследованиями О.А. Черепановой: «В баню надо не забыть “попроситься”, а перед уходом поблагодарить банного хозяина»⁶, – и материалами А.Б. Мороза и Н.В. Петрова: «И говоришь: “Спасибо, дедушка

⁴ В конце статьи приводится расшифровка сокращений списка районов Архангельской области.

⁵ Черепанова О.А. Указ. соч. С. 96.

⁶ Там же.

и бабушка, хозяин, хозяйюшка, помыли нас. Спасибо за баенку... На великое здоровьице нам, а также и вам, чё намыли»⁷.

Зеркальное отражение «своего» мира в «чужом» подтверждается и представлением о «семье» банника. *Обдериха* и *баеник* могут составлять семейную пару, упоминается и об их детях: *Ско́лько у меня се́мьи, сто́лько и у не́й, в ка́ждой ба́йны е́сть сво́я се́мья: хо́зяин и хо́зяйка да де́ти* (ПРИМ. Пушлахта). Подтверждает соотносительность мира домовых хозяев и банных духов их непосредственная связь с человеческой семьей. Зафиксированы примеры, в которых некая женщина в бане вдруг услышала крик чужого ребенка – это был ребенок «банной хозяйки»: «И в банях чудилось тоже. Значит, все перемылись. И пошли вдвоем мать с ребятишками... Налила, говорит, воды, начинает мыть. А под полком – полок кверху поднимается – ребенок ревет: “Увяк, увяк...” А тут кто-то и говорит: “Ну, погоди, я тебя сейчас помою...” А баба та собралась, ребенка в пазуху да нагишом из бани»⁸.

Есть и косвенное упоминание о «детях» хозяйки бани: *обдериха* может забрать человеческого ребенка и на его место подсунуть полено или свое дитя.

Иногда *обдериха* не является женой *банника*, она не составляет с ним пару, как *домовой* и *домовая хозяйка*, а представляет собой самостоятельный женский МП (как и *де́духа*, *заде́риха*, *обде́ришка*): *В ба́не бу́ка была́, де́духа, в ба́не да вот под полко́м бу́ка и живёт. Заде́риха-то – ба́ба в ба́йне, злая́, да́, пуга́ли дете́й-то и все́х* (ЛЕШ. Койнас). *Не ходите в ба́ню за полно́чь. В ба́нях да в че́рных обде́рихи бы́ли* (ПИН. Нюхча). *У меня не́ту обде́рихи в ба́не* (КАРГ. Кречетово).

Лексема *хозяйюшка* и словосочетания *хозяйюшка-матушка*, *Ма́рья Соломи́душка*, *Ма́рья-обде́риха*, *матушка-салама́ндрюшка* используются в функции номинатива и вокатива: *Хо́зяюшка-ма́тушка в парно́й ба́ньке* (КАРГ. Кречетово). *Когда́ пе́рвый раз иде́м в ба́нюшку мы́ться, ку́плена или пострóена вно́вь, на́до приговáривать, когда́ пере́шагну́ через поро́г, на́до покло́ниться и сказа́ть таки́е слова́: «Хоро́шая хо́зяюшка, пу́стий помы́ться в жа́ркую ба́енку все́х на́ших де́точек и взро́слых, не осуди́ нас, да́й нам па́ру жа́рково, исцели́ на́ши боли́зни»* (ШЕНК. Верхоледка). *Ма́рья Соломи́душка, пу́стий помы́ться-попа́риться с ма́леньким младе́нчиком* (ЛЕШ. Кеба).

⁷ Между мифом и историей: мифология пространства в фольклоре Русского Севера / Сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров. М.: Форум; Неолит, 2016. С. 126.

⁸ Власова М.Н. Указ. соч. С. 24.

Возможно, мифологическая хозяйка бани, не имеющая мужской пары, является зеркальным отражением человеческой семьи, потерявшей мужчину-хозяина.

Лексема *хозяйюшка* может использоваться по отношению к хозяйке бани в комплиментарной функции или в качестве эффемизма для того, чтобы не называть МП напрямую его истинным именем: *В дом заходишь, в до́мѹ тѣ́же е́сть, до́мовѡй е́сть, по́чему́ и здо́рбѡвае́шься, а в ба́не **хозяйюшка** е́сть, онá и мо́ет* (ШЕНК. Верхоледка).

Иногда мифологические хозяйка и хозяин не имеют четкого описания и сливаются в одного демонологического персонажа: *Мужско́ да же́нско – не зна́м, ска́жут то́лько: обде́ри́ха* (ПИН. Веркола).

Традиционные представления о локусе, с которым связан женский МП бани

Обдериха может быть мифологической хозяйкой только той бани, которая принадлежит конкретной семье. В публичной бане *обдериха* не показывается. В этом мифологические хозяева бани соотносятся с мифологическими хозяевами дома: *Ба́ни бы́ли бы о́бщие – **обде́ри́шке** моги́ла* (ПИН. Кеврола).

Мифологическая хозяйка бани, как и мифологические хозяева дома, имеет свое пространство, свой «угол». Она «обитает» у печки-каменки или под полком: *За ка́мницей **обде́ри́ха*** (ПИН. Веркола). ***Обде́ри́ха** вы́йдет из-за пе́чки* (ПИН. Кушкопала). *В ба́не е́сть **обде́ри́ха**, под полко́м жи́вет, а в до́ме не зна́ю* (ПИН. Шотогорка).

Традиционные представления о времени появления женского МП бани

Время активной деятельности мифологических хозяев «чужого» пространства – ночь. Во многих примерах зафиксирован запрет мыться после полуночи: *В ба́не **обде́ри́ха** та́м. До двена́дцати на́до помы́ться, а то́ **обде́ри́ха** обде́рѣт. **Обде́ри́хи** но́чами прихо́дят* (ПИН. Кушкопала). *До двена́дцати часо́в, не́льзя по́зже в ба́ню – **обде́ри́ха** заде́рѣт* (ПИН. Веркола).

Мотивация номинации

Традиционно для номинации мифологической хозяйки бани используются дериваты, непосредственно связанные с локусом, с лексемами *баня, байна, парница* (*ба́нница, ба́йница*, словосочетания *бабушка ба́йница, па́ры па́рница*): *Ба́нник е́сть и ба́нница*

есть – хозяйка-то у него. **Ба́нница** в ба́не мы́лась (ШЕНК. Верхопаденьга). **Де́душко-ба́йничёк да ба́бушка ба́йница**, как домовые (ПИН. Вальтево). **Спаси́бо на ба́нке, спаси́бо, па́ры па́рница**, намы́лась я́, мо́йтесь тепе́рь вы́ (КАРГ. Кречетово).

Часто встречаются номинации *заде́ри́ха*, *сде́ри́ха* (*зде́ри́ха*) и *обде́ри́ха*. Номинации мотивированы глаголами *драть*, *задирать*, *обдирать* в значении ‘наносить увечья’: **Обде́ри́ха да заде́ри́ха**, *всяко зва́ли* (ПИН. Сура). *Фсе́ говори́ли, что его́ обде́ри́ха задра́ла. Обде́ри́ха мо́жет задра́ть в ба́не, не ходи́ туда́ после́ двена́дцати. Ба́ня была́ че́рным ме́стом, обде́ри́ха жи́ла* (ПИН. Кеврола). То же подтверждается материалами других исследователей: «Как и ба́ни́ха, ба́йница, обде́ри́ха – “хозяйка бани”. Она душит, “задирает” моющихся»⁹.

Лексемы *буче́ри́ха* (*буча́ри́ха*) мотивированы одним из значений глагола *бучить*: «кипятить, парить белье, пряжу, отбеливать в результате кипячения» (АОС, 2, с. 194). Как мы уже говорили, *буче́ри́ха* составляет пару с *бу́чером*. Лексемы *борову́ха* и *лешачи́ха* мотивированы лексемами *бор* и *лес*. Обычно эти лексемы используются для обозначения МП леса. На Русском Севере лес и вода часто представляют собой единое пространство (лесные ручьи, болота), поэтому мифологические хозяева других локусов «вторгаются» и в пространство бани. Имеет место смешение, перенос или сдвиг значения – хозяйка леса (*борову́ха*, *лешачи́ха*) и хозяйка бани мыслятся как одна сущность: **Борову́ха то́же в ба́не. Ле́ший е́сть да лешачи́хи е́сть, же́на́-то его́. Борову́ха – э́та са́ма лешачи́ха и е́сть. Борову́ха в ба́не** (ПИН. Сура).

Внимание акцентируется не на привязке к локусу, а именно на функциях демонологического персонажа. М.Н. Власова отмечала, что иногда при описании *боровухи* важным становился не столько статус «лесной хозяйки», сколько опасные для человека модели поведения данного МП¹⁰. Если сейчас бани располагаются на усадебной территории или в нежилой части дома, то раньше они строились у ручьев, рек, озер.

Лексема *демону́ха* мотивирована лексемой *демон* и употребляется как собирательный образ нечистой силы: **Вот та́кая демону́ха-то в ба́не жи́ла, бу́кой зва́ли** (В-Т. Сефтра). Это подтверждают материалы других исследователей. Л.Н. Виноградова писала: «Если попытаться систематизировать персонажную сферу восточнославянской демонологической системы, то она может быть представлена в виде некоторой последовательности МП, расположенных между крайними точками оппозиции “человек”» –

⁹ Власова М.Н. Указ. соч. С. 297.

¹⁰ Там же. С. 43.

“не человек (демон)” <...> К полюсу “демон” приходится отнести всё многообразие мифических образов нечистой силы» [Виноградова 2001, с. 17–18]¹¹.

Лексема *жихорница* мотивирована лексемой *жыхорь*: *В бане жыхорь с жихорницей живёт* (КАРГ. Лёкшмозеро). Данная многозначная лексема употребляется как для обозначения хозяина дома, главы семьи, так и для обозначения МП, возможно, в функции эвфемизма. М.Н. Власова отмечала, что «названия банника “жыхарь”, “пастырь”, “хозяин” отражают представления крестьян о нем как об исконном обитателе и “хозяине” бани»¹². В АОС «Жихорь – мифическое существо, злой дух, черт» (АОС, 14, с. 238)¹³.

Для обозначения банного духа в его женской ипостаси используются термины родства: *матушка*, *бабушка*: *Матушка в парной баньке. Хозяйшка матушка в парной баньке* (КАРГ. Кречетово). *В бане и в комнате я ложусь – обязательно перекрещусь: «Дедушко оведушко, бабушка овбабушка, дайте мне спокойно отдохнуть»* (ПИН. Кеврола). В последнем примере также имеет место смешение локусов. *Бабушка овбабушка* употреблена и как мифологическая хозяйка бани, и как демонологический персонаж дома.

Термины родства могут быть использованы для номинации любого демонологического персонажа, мифологического хозяина определенного пространства. Номинации *матушка*, *батюшка*, *бабушка*, *дедушка* и т. д. выполняют комплиментарную функцию, отражая почтительное отношение человека к мифологическим персонажам. И.Б. Качинская отмечала, что термины родства активны и в языческой, и в христианской мифологии, однако в языческой традиции, помимо привычных для христианского мировосприятия терминов родства *отец*, *сын*, *мать*, присутствуют и другие термины кровного родства: *бабушка ~ дедушка*, *мать ~ отец*, *сестра ~ брат*, *тетка ~ дядя* [Качинская 2018, с. 24]. Так, лексема *дедушка*, возможно, спровоцирована связью с *дедом*, *дедушкой* как хозяином мифологического пространства: *Сейчас бани по-белому, говорят, так там нет дедушек, а в бане по-чёрному – так там есть* (ЛЕШ. Вожгора).

Словосочетание *матушка саламандрушка*, с одной стороны, связано с термином родства (с лексемой *матушка*), а с другой – как и словосочетание *Марья Соломидушка*, может являться

¹¹ См. об этом также: Между мифом и историей... С. 128.

¹² Власова М.Н. Указ. соч. С. 24.

¹³ См. также: Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л.: Наука, 1972. С. 198.

отражением христианской традиции в народном мировоззрении. *Бабушка Соломонáюшка, Марья Соломíдушка, Саломíя (Исаломíя), матушка саламáндрушка*, «по народным представлениям, женщина, принимавшая на свет Христа, совершая все те действия, которые выполняет повитуха»¹⁴, поэтому именно к ней обращены заговоры и поэтому именно она противопоставляется *обдерихе*: *Мáтушка саламáндрушка, пусти́ меня помы́ться, погрéться, здорóвьица набрáться* (ПИН. Нюхча). *Мáрья Соломíдушка, пусти́ помы́ться-попáриться с мáленьким млáдénчиком. Гóсподи благослoví, Гóсподи Христóс* (ЛЕШ. Кысса).

В данной номинации отражается представления о мифологической помощнице, бабке-баннице, бабке-повитухе, которое восходит к христианской традиции и связывается с образом бабушки Соломоницы, восприемнице Христа, но в своей основе может переплетаться с языческими верованиями, проявляющимися в номинации *саламандрушка*, которая может восходить и к представлению о саламандре как о духе огня. В.И. Даль писал: «По сказкам, саламандра – несгораемая, саламандрой зовут и сказочных духов огня»¹⁵. На формирование народных представлений о бане как о мифологическом, «чужом» пространстве повлияла связь огня и воды в их специфическом сочетании. А.К. Байбурин отмечал: «Культ воды и культ огня, переплетаясь, приобретают новые значения, соотношенные с конечным результатом “борьбы” огня с водой» [Байбурин 2005, с. 41].

Лексемы *хозяйка, хозяйюшка* отражают уважительное отношение человека к МП: *В ба́ню ну́жно проси́ться: «Хозя́ин и хoзя́юшка, пусти́те попáриться, здорóвье полáдить»* (ПИН. Кушкопала).

В конце статьи приведена диаграмма, на которой с учетом частотности примеров представлены номинации «хозяйки» бани (рис. 1). Чаще всего для обозначения МП бани используются лексемы, связанные с местом появления персонажа (*банница*). На втором месте по встречаемости – лексемы *обдериха* и *задериха*, мотивированные функциями персонажа. Частотны также термины родства (*матушка, бабушка*) и номинации, отражающие социальную функцию (*хозяйка*). Менее частотны лексемы, имеющие общее собирательное значение нечистой силы (*демонуха*),

¹⁴ Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 458.

¹⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка // [Соч.] В.И. Даля. Ч. 3. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1865. С. 117.

и номинации, обозначающие МП других локусов (*лешачиха*). Наименее частотны как номинации МП бани имена собственные (*Марья Соломидушка*).

Внешний облик женского МП бани

Хозяйка бани может представлять как в антропоморфном, так и в зооморфном облике, может быть невидима или принимать вид какого-то предмета. М.Н. Власова отмечала, что в большинстве примеров банника нельзя увидеть, он обнаруживает себя шумом, но если показывается, то предстает как страшное существо. Это «черный мохнатый человек, иногда огромного роста, с длинными волосами, с железными руками, когтями, которыми душит или “запаривает” моющихся»¹⁶.

Как и МП дома, женский демонологический персонаж бани может принимать зооморфный облик (кошки или зверька): *Так вóт говорíли, что онá, обдерíха, мóжет в кóшку, а мóжет и не кóшкой. Дá, говорíли, говорíли* (ПИН. Кушкопала). *Мáша, кíска, кíска на кáмнице! Я скорéй на кáмнице обкатíла, дак онá ребéнка схватíла да убежáла. Дак кíсочка вот такáя малёхонька, и на камёнье сидíт* (ПИН. Кеврола). *Зверюшка такáя в бáне живёт – бáнница* (ВИН. Борок). *Бучерíха* врёде, навёрно, звéря (ПИН. Сура).

Хозяйка бани может представлять и в антропоморфном облике. В этом случае показательны номинации *бабка, бабушка, матушка*, что может косвенно отражать информацию о внешности: *банница* представляется пожилой женщиной, старушкой: *Не бóйся, бáбка бáнница не испугáет* (ВИН. Уйта). В некоторых примерах облик персонажа объясняется через сравнение с демонологическими персонажами дома: *Дéдушка бáйничек да бáбушка бáнница, как домовы́е* (ПИН. Вальтево).

Если мифологические персонажи дома принимали облик живых или умерших родственников, человека обыкновенной внешности, то *обдериха* предстает как страшное существо, наделенное необычными чертами, например косматостью или высоким ростом. Она лишь напоминает человека. Это сближает хозяйку бани с МП леса и воды: О хозяйке леса: *Лешачíхи-те чё́рны, все во́лосы распúщены* (ЛЕШ. Лебское). О хозяйке воды: *А руслáнка чё́рная такáя, водя́ница зовётся, на кáмне сидíт, во́лосы чёшет* (ПЛЕС. Рыжково). У *обдерихи* длинные когти, которыми она может «задрать», убить человека, и большие зубы. Часто в ее описании фигурирует черный, темный цвет, что-то грязное, «нечистое».

¹⁶ Власова М.Н. Указ. соч. С. 24.

Иногда персонаж может не иметь четкого описания, его облик сводится к чему-то темному, черному, неопределенному: *Страшнá обдерѣ́ха. Фся в шѣрсти, вѣлосы распѹщены, на ногáх не нѣгти, а кѣгти, онá обдира́ет* (ПИН. Веркола).

Некоторую информацию о внешности демонологического персонажа можно почерпнуть из примеров, в которых поведение и внешность человека сравниваются с поведением и внешностью МП. Хозяйка бани предстает как неряшливо или плохо одетая женщина, грязная и растрепанная, с распущенными волосами: *Дѣвочки обдерѣ́хи боя́тся, а сáми как обдерѣ́хи. По звáнью мѣжно понять, что обдерѣ́ха, – грязна. Ны́нче кикѣморáми одева́ются, так скáжут, как обдерѣ́ха одѣлась* (ПИН. Сура).

Модели поведения женского МП бани

МП бани наделяются особыми характеристиками, им свойственны определенные функции, модели поведения. Разделение нечистой силы, обитающей в бане, на «вредителей» и «помощников» свидетельствует об амбивалентности духов-хозяев. С одной стороны, номинации *задерѣ́ха, сдерѣ́ха, обдерѣ́ха* свидетельствуют о том, что мифологические персонажи могут восприниматься как вредоносные духи, враждебно настроенные к людям, как нечистая сила, избавиться от которой можно, прочитав молитву и перекрестившись: *Моли́тву не сотвори́ – обдерѣ́ха тебѣ́ пужá* (ПИН. Веркола). С другой стороны, номинации *матушка, хозяйюшка* и др. отражают почитание мифологического хозяина пространства, уважительное отношение к нему. Возможно, данные номинации выполняют исключительно апотропеическую функцию, то есть используются для задабривания МП: *«Дѣдушко овѣдушко, ба́бушка овба́бушка, пусти́те ба́нку истопи́ть, погрѣ́ться-попа́риться, помы́ться-пожа́риться», – перекрести́ться нáть и попроси́ться обяза́тельно, когдá в ба́ню идѣшь* (ПИН. Кеврола).

Иногда мифологическим хозяевам бани присущи человеческие черты характера. В этом МП бани сближаются с домовыми. Они живут как семейная пара, моются, ходят в гости: *А в ба́не говоря́т: а тепѣ́рь вѣ́, хозя́ин и хозяйю́шка, мо́йтесь* (КАРГ. Кречово). А *обдерѣ́ха* из соседской ба́ни зовет (подружку): *пошли́ в гости, к друго́й обдерѣ́хе* (ПИН. Сура).

По народным поверьям, после полуночи или в полночь в бане моется нечистая сила: *Ба́нница в ба́не мы́лась* (ШЕНК. Верхопаденьга). *Не ходи́ в ба́ню по́сле двена́дцати – там сдерѣ́ха е́сть. В ба́не обдерѣ́ха мо́ется в по́лночь* (ПИН. Нюхча). *В ба́не обдерѣ́хи*

какие-то. Скажут: с 11 по 12-ти в бане не мыться, там **обдериха** (ПИН. Кушкопала).

Существуют противоречивые представления о том, надо ли оставлять воду в бане для «хозяина» и «хозяйки». С одной стороны, считалось, что «хозяев» бани нужно отблагодарить и обязательно оставить воду, приглашая их, в свою очередь, вымыться: *Вот это говорили, что после двенадцати хозяинушко будет мыться – воды нать оставить, всю не выливать* (ХОЛМ. Сия). С другой стороны, банные духи – нечистая сила, которая может причинить вред человеку, если от нее не защититься: *Воду надо закрыть хоть полешечком, чтоб обдериха, лешачиха ли, не мылись в этой воде. Обдериха уже не залезет в воду* (ПИН. Нюхча).

Понимание бани как «чужого» пространства подчеркивается и запретом заходить в баню с нательным крестом: *В баню нельзя с крестом – баенник задушит* (ПИН. Шардомень).

Нечистая сила в бане может не губить человека, а наказывать, когда человек нарушает определенные правила поведения в бане: «Нарушение правил влекло за собой появление “страшного” банника, который мог зацекотать, задушить»¹⁷. Чтобы мифологическая хозяйка не вредила человеку, он не должен был нарушать запретов, установленных нечистой силой: *Ходило такое поверье, один попросился в баню ночевать. Раз попросился – она его и бережет* (ПИН. Кеврола). Обдериха может ломать оставленные в бане вещи, пугать, выгонять хозяев из бани, убивать, «задирать» людей, нарушивших запреты. Она ломает вещи: *Мамушка, банница квашонки все переломала!* (ВИН. Борок); пугает: *Обдериха вытуга(т)* (ПИН. Веркола). *У нас женщина пошла в баню после 12 часов – всё залетало, завывало: пугало* (ПИН. Кушкопала); выгоняет из бани: *Обдериха выгнала* (ПИН. Веркола); убивает: *На полку задрала обдериха, в нашем роду это было. На полку увидели – лежит, дак обдериха задрала. Зажарел, наверно. Обдериха может задрать в бане, не ходи туда после двенадцати* (ПИН. Кеврола).

Традиционные представления о связи женского МП бани с родильным обрядом

Представления о мифологической хозяйке бани часто связываются с родильным обрядом. Обдериха появляется в бане только после того, как в бане вымоют новорожденного: *А обдериху, говорят, запускает роженца* (ПИН. Сура). *Нового мальшиа*

¹⁷ Там же. С. 25.

родішь – обдері́ха появиться (ПИН. Кушкопала). *Пе́рвый ра́з в ба́ню сно́сят, и обдері́ха* появиться (ПИН. Кеврола). Но в ново́й ба́не не пуга́ет, а е́жели ма́лого ребёнка вь́моешь, вот уже *обдері́хи* появля́лися, гово́рят, а по́ка ма́лого ребёнка не мы́ть, новорожде́ного в ба́не не мы́ть, не долж́но пуга́ть. Гово́рили. Я слы́хал тако́й разгово́р. А уже́ ребя́т ма́лых помо́ют – вот уже́ там бу́дет э́та *обдері́ха*. Бо́лтали, бо́лтали (ПИН. Кушкопала).

М.Н. Власова отмечала: «Появление банной бабушки иногда непосредственно связано с родами: она сопровождает роженицу и ребенка; обычно доброжелательна к слабым, больным»¹⁸. Об этом же писал С.В. Максимов¹⁹. То же встречается и в многочисленных примерах в АОС: *А та́к-то фсе́ ра́ньше гово́рили, е́сли же́ница ро́дит одна́, пойдёт в ба́ню, та́м и бу́чері́шка* ока́жется (ПИН. Нюхча).

Роды часто проходили в бане, однако вступать в интимные отношения в бане было нельзя. Нарушение запрета приведет к наказанию со стороны мифологических хозяев бани – ребенок родится с отклонениями в развитии: *А инт́имного-то в ба́не нель́зя де́лать, а то обдері́ха-то, ребёнок бу́дет гли́п-от* (ПИН. Нюхча).

В отличие от домовых хозяев, которые, по народным представлениям, присматривают за детьми, *обдері́ха* может подменить младенца, оставленного матерью в бане: *Ма́лого ребёнка нель́зя оста́влять в ба́не. Обдері́ха* мо́жет обме́нить. Она́ то́т же ве́ник преврати́т в ребёнка, тебе́ и подсу́нет, а того́ ребёночка заберёт себе́. Обменённый, так он и не растёт, то́лько ча́хнет, ча́хнет. Нель́зя оста́вить-то, там *обдері́ха* е́ще́ обме́нит, та́м ли ка́к-и. Там нечи́сты обме́нят в ба́йны ребёнка (ПИН. Веркола). Подмененный ребенок не будет расти, не научится ходить и говорить, но будет очень много есть. Д.К. Зеленин отмечал, что такой ребенок мог сам превратиться в нечистую силу по аналогии с утопленниками, которые «становятся работниками водяного, девушки – русалками, а нередко и его женами» [Зеленин 1991, с. 416]. Как и умершие неестественной смертью, «настоящий», обмененный в бане ребенок становился частью потустороннего, мифологического мира: *Обдері́ха* мо́жет оборо́тником сде́лать (ПИН. Веркола).

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994. 446 с.

Модели поведения человека по отношению к МП бани

К мифологическому хозяину бани обращались и при гадании, в этом банные духи соотносятся с домовыми хозяевами, которые тоже могли предсказывать судьбу. Издревле гадали именно в бане – в народном сознании это место мыслилось как ритуально нечистое, а «для угадывания будущего было необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших, ритуалы. Г<адания> осмыслялись как дело нечистое, грешное и опасное»²⁰. В доме, как в пространстве освященном, гадали реже, избирая для обряда мифологически маркированные места: порог, печь и т. д. В православном мире гадание воспринималось как реликт языческого миропонимания и подлежало устранению, однако в народном сознании христианская вера переплеталась с языческими поверьями, поэтому, несмотря на то что гадание воспринималось как нечто запрещенное, оно было неотъемлемой частью человеческой жизни: *Баенный, покажи суженого мне* (КОН. Климовская).

В настоящей публикации представлена мотивация обозначающих «хозяйку» бани мифонимов, зафиксированных лишь в архангельских говорах. Однако эта работа может дать возможность исследователям использовать этот материал для проведения сравнительного анализа с похожими материалами, собранными на Русском Севере и в других регионах.

Рис. 1. Мифологическая хозяйка бани. Мотивация номинаций (по результатам исследования автора)

²⁰ Славянская мифология... С. 100.

Список сокращений

АОС – Архангельский областной словарь. М.: Наука, 1980–2023.
Т. 1–23 –.

МП – мифологический персонаж

Районы Архангельской области:

В-Т. – Верхнетоемский

ВИН. – Виноградовский

КАРГ. – Каргопольский

КОН. – Коношский

ЛЕШ. – Лешуконский

ПИН. – Пинежский

ПЛЕС. – Плесецкий

ПРИМ. – Приморский

ХОЛМ. – Холмогорский

ШЕНК. – Шенкурский

Литература

Байбурин 2005 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 217 с.

Виноградова 2001 – *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: Дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук / Институт славяноведения РАН. М., 2001. 96 с.

Зеленин 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с.

Качинская 2018 – *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018. 285 с.

Криничная 2004 – *Криничная Н.А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1005 с.

Левкиевская 2000 – *Левкиевская Е.Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 526 с.

References

Baiburin, A.K. (2005), *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rituals and beliefs of the Eastern Slavs], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Kachinskaya, I.B. (2018), *Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arkhangel'skikh govorov)* [Terms of kinship and the linguistic

- picture of the world (based on materials from Arkhangelsk dialects)], Indrik, Moscow, Russia.
- Krinichnaya, N.A. (2004), *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology. The world of folklore images], Akademicheskii proekt; Gaudeamus, Moscow, Russia.
- Levkievskaya, E.E. (2000), *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people], Astrel, Moscow, Russia.
- Vinogradova, L.N. (2001), *Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya* [Slavic Folk Demonology: Problems of comparative study], Abstract of Ph.D. dissertation, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenin, D.K. (1991), *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дарья А. Анненкова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; dasha.dobk@yandex.ru

Information about the author

Daria A. Annenkova, Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991; dasha.dobk@yandex.ru